

УДК 81'373.612.2:32:070

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

Солодовникова Н.В.

В современной лингвистике можно считать общепризнанным, что метафора – это инструмент познания, средство организации опыта взаимодействия человека с внешним миром. По словам А.Н. Баранова, политическая метафора отражает способы политического мышления и соответственно способы принятия решения в проблемных ситуациях [4; 17].

Новизна исследования заключается в рассмотрении мифологического компонента в современной политической метафоре.

Актуальность исследования. В настоящее время возрос интерес к изучению феномена власти, отношений власти и народа. Эта проблема интересует политологов, социологов, не остаются в стороне и лингвисты, так как политические процессы находят свое отражение в языке появлением неологизмов, окказионализмов, иногда переосмыслением значений слов, дополнительной коннотацией общеупотребительной лексики. В связи с этим появилось много работ в области современной политической имиджологии, политического дискурса и политической метафоры как одной из его составляющих.

Цель данного исследования – показать на примере группы политических метафор, источником которых является субсфера «Вода», что метамодель «Политика – это мир природы» является актуальной и продуктивной.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть связь между мифологическим и метафорическим значением на материале современных политических газетных публикаций;
2. Выявить реализацию мифологического значения субсферы «вода» в современной газетной политической метафорике.

Материалом для исследования послужили публикации в украинских русскоязычных изданиях, таких как «Зеркало недели», «Аргументы и факты в Украине», «Комсомольская правда в Украине», «Труд», «Киевский телеграф» и др. с 2000 по 2004 гг. Поскольку из всех печатных изданий только газета охватывает такое огромное количество читателей, то именно она способствует быстрому и повсеместному распространению новых языковых явлений [10, с.183].

По мнению А. Н. Баранова, в целях изменения общественного сознания после октября 1917 г. года была предпринята «попытка совмещения органистического способа мышления (представленного метафорами организма, растения, дерева, человека), которое имело глубокие корни в русском социуме, с механистическим, рациональным мышлением, фиксированным в метафорах механизма, строительства, мотора и пр.» [3, с.186]. На какое-то время метафоры из мира живой природы действительно стали менее распространенными, однако традиции органистического мышления живы и в современном политическом дискурсе, хотя на каждом новом этапе общественного развития древние модели разворачиваются в соответствии с «духом времени». Значимость органистической метафоры особенно велика в текстах с установкой на фундаментальные национальные ценности, на возвращение «к истокам» [25].

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

Как отмечает О.М. Бессонова, «исходным материалом для образования метафор... служат (в той или иной степени) все человеческие ощущения – визуальные, слуховые, тактильные и т.д.» [7, с.60].

В Украине политической метафоре и проблемам политического дискурса посвящено немало работ. Приведем лишь краткий обзор некоторых из них. В области социолингвистики, прагматики, публичной риторики, газетной коммуникации работают такие исследователи, как Л.А. Кудрявцева, Л.Н. Синельникова, С.А. Пилишек, Е.А. Святчик.

Результаты наблюдения над газетной лексикой убедительно доказывают, что только газета в состоянии незамедлительно реагировать на происходящие события, фиксировать и доносить до читателей все новое, что имеет место в языке [10, с.183]. В последнее время возрос интерес также к символам и мифам в политическом дискурсе, среди исследователей, работающих в этом направлении, следует выделить авторов публикаций и монографий Г.Г. Почепцова, Е.И. Шейгал и др.

Для нашего исследования оказались полезными работы отечественных лингвистов, посвященные политической метафоре – таких как И.А. Филатенко, которая описала группы «Политические реалии – это представление», «Политические реалии – это борьба», «Политические реалии – это игра» [23].

В работе М.А. Беловой, посвященной метафорическому моделированию понятия «политика» в американской и украинской прессе, в частности, отмечено, что наиболее частотной метафорической моделью является «Политика – это спорт, война, медицина» [6].

В статье Л.В. Семиволос отмечено, что «в последнее время в трактовке политической жизни Украины преобладает оценочная метафорика, а также метафоры с коннотативным значением угрозы здоровью и жизни. Это в полной мере влияет на формирование негативного социального отношения к политическим процессам в государстве» [19, с.140].

В статьях Т.А. Яценко рассмотрены мифологические значения метафоры обусловленности на материале современной газетной публицистики, в частности показана связь между мифологическим значением метафор, компонентом которых являются *почва, корни*, при выражении отношений причины и обусловленности.

Среди зарубежных лингвистов следует выделить Дж. Лакоффа, М. Джонсона, А.П. Чудинова.

Для раскрытия мифологического значения субсферы «вода» мы использовали работы А.А. Потебни, А.Н. Афанасьева, В.А. Масловой, словари различных типов.

Общепризнанно (см. Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.П. Чудинов), что при характеристике метафорической модели должны быть охарактеризованы её следующие признаки:

1) Сфера – источник (сфера-донор, сигнификативная зона, источник метафорической экспансии).

2) Сфера – мишень (ментальная сфера-магнит, денотативная зона, направление метафорической экспансии).

В нашем исследовании при анализе сферы-источника мы акцентируем внимание не только на сигнификативном её значении, но и на мифологическом, поскольку многие (если не все) образы природы имеют свои мифологемы, так как «и древнему и современному человеку свойственна тенденция моделирования социальной ситуации на основе природных явлений» [13, с.70]. Таким образом, сигнификативное и мифологическое значения являются, на наш взгляд, отдельными участками сферы-источника.

В нашем исследовании мы обратились к анализу образа воды как компонента метамодели «Политика – мир природы».

Вслед за Г.Н. Складневской [20, с.22-26], мы считаем, что при анализе политической метафоры следует учитывать, что:

1. Характеризующая метафора образуется на основании несущественных, случайных и даже противоречащих семантике исходного значения признаков;

2. В основе метафоризации нередко лежит не конкретный признак, который можно логически выделить и обозначить, а некое общее несходное впечатление, производимое сопоставляемыми предметами, или целый набор признаков, иногда достаточно разнохарактерных;

3. Перенос может осуществляться и на основании некоторых историко-культурных представлений, общих для языкового коллектива, которые, естественно, также не находят отражения в семантике слова-источника.

Из вышеперечисленного основанием для обращения к мифологическому значению при анализе политической метафоры является третье положение.

Подобную точку зрения можно найти в работах М. Блэка, С.С. Гусева, А.П. Чудинова.

Среди выделенных нами групп (огонь, ветер, стихия, метеорологическая метафора) наиболее продуктивной является субсфера воды, которая «обладает чрезвычайной метафорической активностью – т.е. практически все её члены подвергаются метафоризации» [20, с.46].

На наш взгляд, при анализе метамоделей «Политика – мир природы» следует обращаться к мифологическим значениям её составляющих, поскольку существует тесная связь между словом и мифом, мифом и метафорой.

А.Н. Афанасьев отмечает, что слово и выражение сначала были метафорическим уподоблением, имевшим поэтический смысл [2, т.1, с.9-10]. Затем уже на основе метафорических уподоблений формируются мифы, потому что «миф – это не логическое объяснение мира, это представление феномена в образной модели. В эпоху образования языка и преданий... метафора была необходимою, существенною оболочкою языческих верований, олицетворяющих душевные силы в образах вещественной природы» [8, т.1, с.166].

А.А. Потебня [17, с.260] опровергает точку зрения А.Н. Афанасьева, утверждая, что «мифическое мышление на известной степени развития – единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен, стоящим на известной степени развития мысли; оно формально, то есть не исключает никакого содержания: ни религиозного, ни философского и научного».

В.А. Маслова считает, что «миф – произвольная форма мышления» [1, с.81], она же предлагает разграничивать миф и художественное произведение по критерию доверия: «Если это доверие – условность, игра, то перед нами художественное произведение. Если же доверие – безусловная данность, то это миф» [12, с.80]. Таким образом, для человека миф – это первоначальный способ мышления, в нашем исследовании мы будем придерживаться той точки зрения, что миф – «упрощенное видение реальности, упрощенно-каузальное толкование событий» [26, с.136]. По мнению Г.Г. Почепцова, «мифологемы интересны для коммуникатора тем, что принимаются всеми как данность, без проверки на истинность. Присоединение к мифам позволяет резко усилить эффективность сообщений» [18, с.26]. Механизм метафоры, на наш взгляд, гораздо сложнее, и в метафоре «оживают» мифологические значения тех или иных образов, в данном исследовании мы обратимся к политическому дискурсу на примере субсферы «Вода».

Вода – это первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса: так, в большинстве мифологий встречается мотив подъятия мира (земли) со дна первичного океана. Вода как «влага» вообще, как простейший род жидкости выступала эквивалентом всех жизненных соков человека – не только тех, которые имеют отношение к сфере пола и материнства, но прежде всего крови [14].

Динамика политических событий метафорически представлена в качестве водоемов с подвижной водой (река, ручеек, море), а застой – в образе болота, трясины. Политическая ситуация метафорически представлена в СМИ в виде водоемов (*концептуальные болота, спокойная река, реки крови, автократическое арабское море, трясины иракского сопротивления, увязнуть во внутривнутриполитическом болоте, плыть по политическому океану*).

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

Рассмотрим примеры: *В трясине иракского сопротивления* («Зеркало недели», №6 (481) от 14.02.2004). Заголовок статьи о военной операции в Ираке.

Жить честно при условиях, которые создаются новым проектом конституционных изменений, вряд ли получится. Он перечеркивает его (человека. – Н.С.) надежды на возможность вылезти из болота, отмыться и стать нормальным, честным финансистом, бизнесменом и политиком («Зеркало недели», №34(459) от 6.09.2003, из интервью Т. Черновила).

Е.М. Вольф, ссылаясь на высказывание В.Н. Телии о том, что «внутренняя форма, соотносящая новое знание с экстенционалом метафоры прозрачна для восприятия, поскольку она возбуждает обычные для данного языкового коллектива ассоциативно-образные представления» [23, с.74], отмечает, что *болото* в метафорическом значении приобретает смысл «плохо». Очевидно, актуализируются признаки денотата: топкое место, где можно утонуть, стоячая вода. нечто неподвижное и т.п.; при этом возникает оценочный смысл «плохо» [9, с.58].

Если противопоставить болоту реку, то следует отметить, что вода в реке движущаяся, живая, а в болоте – недвижимая субстанция – символ тотального сна. По мнению В.Н. Телии, «...болото (тина) ассоциируется с чем-то застойным, отсюда – представление о том, что жизнь обывателей, провинции и т.п. или определенные виды деятельности, связанные с созданием искусственных преград, тормозящих дела, и т.п. – это болото ... Именно эти свойства и служат мотивом для оценки, причем «быть достойным» само по себе плохо, но вторичное наименование *болото* имеет не дескриптивное, а экспрессивно-окрашенное значение, и в нем обозначается не застойность или кость как таковые, а отсутствие живых интересов, стремления к новому и т.п.» [23, с.79]. В проанализированных нами политических метафорах актуализируются прагматические значения «труднопроходимость», «опасность», «грязь».

Политическая же ситуация, каузируемая какими-либо событиями, представлена в виде искусственных водоемов (так как они создаются человеком с какой-либо целью): *политические каналы, фонтанирующий регион Ближнего Востока. В конце 2003 года, по крайней мере, рискованно прогнозировать, что случится с фонтанирующим во всех смыслах регионом Ближнего Востока в перспективе 3-х, а тем более – пяти лет* («Зеркало недели» №42 (467) от 1.11.2003). Регион Ближнего Востока назван фонтанирующим, поскольку, с одной стороны, он богат нефтяными запасами, что соотносится со значением слова – выбрасывать на поверхность струю, фонтан (нефти, воды, газа), а с другой – с политическими событиями, к которым сейчас приковано внимание всего мира.

Действия политиков, политических партий часто развиваются по намеченным планам, то есть в русле, в фарватере: *«Єдність» следует в фарватере донецкой партии регионов, в фарватере американской ближневосточной политики, в русле украинско-российского соглашения.*

Следует отметить, что в Малом академическом словаре русского языка зафиксировано переносное значение слова русло – направление, путь, по которому идет движение, развитие чего-либо [21, с.742]. Таким образом, метафору *в русле* можно считать устоявшейся в политическом дискурсе.

В формах воды метафорически выражены политические движения, политические изменения, выступления (демонстрации, марши протеста/поддержки), которые, в свою очередь, делятся на массовые, значительные (*волна демонстраций и протестов, экстремистских настроений, поддержки, исламского радикализма, водоворот борьбы, штормовая предвыборная осень, мощный поток истории*), менее значительные, кратковременные, проходящие, как правило, без последствий (*всплеск взаимного насилия, народного гнева, исламского радикализма, краткосрочный всплеск продержавных амбиций и патриотизма, крымскотатарская проблема не более, чем поверхностная рябь* (совсем

незначительные изменения). В данном фрейме в фокусе метафоры оказывается мифологическое значение воды, связанное с быстротой и разрушением.

Политические действия могут быть представлены в их динамике, когда речь идет об изменении ситуации: *процесс «перетекания» кадров будет нарастать, из Киева на Москву и Крым выплескивалась плохо скрываемая ненависть, антитеррористический консенсус испарился*, причем метафорой «перетекание» описывается плавный процесс, метафорой «выплескиваться» – экспрессивно-напряженный процесс, а «испарился» – исчезновение чего-либо.

Изменение политической ситуации часто каузировано внешними причинами: *мир всколыхнули демонстрации протеста, Березовский продолжает мутить нашу политическую воду*. В последнем примере введен каузатор (Березовский), а также трансформирован фразеологизм «мутить воду» – дезинформировать, вводить в заблуждение, делать что-то неясным, смутным.

Политики «плавают», «кувыркаются» в болоте (не разбираются в обстановке, не проявляют активности), им часто трудно найти выход из создавшейся ситуации. Субъект в политике может быть активным, стойким, не боящимся давления извне и изменения политической обстановки (*непотопляемый канцлер Соцпартии (о Винском), начальник штаба (о Рыбкине)*), а также пассивным, безвольным (*утопающие («мажоритарщики»), ющенковский дрейф, Абхазия, неуклонно дрейфующая от Тбилиси*).

Сопоставим реализацию образа воды в политической метафоре с ее мифологическим значением.

С мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте (аспект мифологемы воды, удержанный в христианской символике крещения) [14]. В результате культового омовения (как в водоемах, так и специально приготовленной жидкости, настоянной на травах) происходило физическое и духовное возрождение [11, с.249]. Вода считалась *prima material*: погружение в неё давало возможность приобрести первозданные свойства, возродиться. Отсюда соотношение таких слов, как русск. *купать* и *купить* «приобрести», а также *копить* «хранить, сохранять» [11, с.250].

«Вода есть объект одной из величайших символических ценностей, когда-либо созданных человеческой мыслью: архетипа чистоты. Чем стала бы идея чистоты без образа воды прозрачной и ясной, без этого прекрасного плеоназма – чистая вода. Вода сосредотачивает в себе все образы чистоты» [5, с.33-34].

Этот мотив нередко встречается и в политической метафоре, что подтверждает следующий пример: *И как же теперь называется конституционный законопроект? Проект Медведчука – Симоненко. Петру Николаевичу придется приложить много усилий, чтобы отмыться от сотрудничества* (Из интервью Н. Витренко, «Киевский телеграф» от 23.01.2004). «Отмыться от сотрудничества» имеет значение «отказаться от причастности», оказаться не замешанным в данном деле. В данной метафоре противопоставлены прагматические компоненты «чистый» (хороший) и «грязный» (плохой).

Вообще, в рассматриваемой нами метамодели, которую условно можно назвать «Политические реалии – это водная стихия», очень часто можно найти противопоставление «чистый – грязный»: *Передайте им, что Ирак побеждает, а США увязли в грязи поражения* (Из послания Саддама Хусейна Франции и России, «Дипломатический мир», №6 от 6.01.2004).

Грязь – полужидкая субстанция, об этом говорит сочетание с глаголом «увязнуть». В данной метафоре актуализируется прагматический компонент «позор».

А.А. Потебня, исследуя стихии воды, ветра и огня в народной культуре, отмечает, что с водой связаны прежде всего свойства быстроты, источника жизни, чистоты, смерти. «О том, чего уже нет, говорится, что оно унесено водою» [16, с.46-47]. Отсюда известное выражение «как в воду канул», т.е. бесследно исчез. Отметим, что вода могла, согласно представлениям

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

язычников, выступать не только как спасительное, священное начало, но и как источник зла, гибели, смерти (дихотомия «жизнь – смерть»). Поскольку вода олицетворяет не только спасение, силу, здоровье, но и гибель (ср. воду преисподней), значение «вода» нередко соотносится со значением «запрещать» («табу»). Понятие «потусторонний мир» первоначально имело значение «относящийся к воде» или «находящийся за водой / рекой» (согласно древним представлениям, души умерших переправлялись в загробный мир по воде). Местопребыванием душ умерших, по поверьям язычников, были река и море, дерево [22, с.76-77].

Мотив, связанный с тем, что вода – источник разрушения, находит своё отражение в политическом дискурсе. Например:

А почти через восемь веков именно благодаря Украине предпоследний этап распада российской империи был сравнительно бескровным, благодаря чему европейцам удалось избежать сокрушительного цунами, которым традиционно сопровождалась подобные катаклизмы цивилизации («Зеркало недели», 34 (459) от 6.09.2003).

Цунами – гигантская волна, возникающая в океане в результате подводного землетрясения. В фокусе метафоры оказывается не столько лексическое значение слова, сколько ассоциации, которые вызывают у человека стихийные бедствия (разрушения, жертвы), одним из которых и является цунами. Эффект метафоры усиливается эпитетом «сокрушительный».

Таким образом, субсфера «Вода» является источником для метафоризации почти всех сфер политической жизни.

Выводы. Анализ современного публицистического текста подтверждает, что:

I. Существует связь между метафорой и мифом и, как следствие, между мифологическим и метафорическим значением слова, что является актуальным при анализе политических метафор.

II. В политическом русскоязычном дискурсе Украины реализуются следующие мифологические значения образов воды:

1. Быстрота, скорость;
2. Источник (жизни, вести);
3. Разрушение.

III. Метафоры, содержащие компонент «вода», характеризуют все сферы общественно-политической жизни и являются довольно продуктивными для украинского русскоязычного политического дискурса.

IV. Анализ имеющегося фактического материала позволяет сделать вывод о том, что концептуальная метафорическая модель «Политика – мир природы» является актуальной и продуктивной для украинского русскоязычного политического дискурса.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. – М., 1855-1863. – Вып. 1-8.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т.1. – М., 1865; Т. 2. – М., 1868; Т. 3. – М., 1869.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М., 1991.
4. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации: Советский политический язык (От ритуала к метафоре). – М.: Знание, 1991. – С.17
5. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи/ Пер. с франц. Б.М. Скуратова. – М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 1988. – 268 с.
6. Белова М.А. Метафорическое моделирование понятия «Политика» в американской и украинской прессе. // Вестник ХНУ. – № 609. – 2003. – С. 73-76.
7. Бессонова О.М. Референция, метафора и критерий метафоричности// Логико-семантический анализ структур знания. – Новосибирск, 1989.

8. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. – Т. 1-2.
9. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
10. Кудрявцева Л.А., Пилишек С.А., Святчик Е.В. Влияние экстралингвистических факторов на развитие языка газеты. X Международная конференция по функциональной лингвистике. «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации». Сборник научных докладов. – Симферополь, 2003. – С.182-184.
11. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд-во, центр ВЛАДОС, 1996. – 416с.
12. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 206 с.
13. Маслова В.А. Метафора как способ создания языковой картины мира (90-е годы XX века) // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. Сборник докладов. Киев: УНВЦ «Рідна мова», 1999. – С.67-70.
14. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т./ Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая русская энциклопедия», 1998. – Т. 1. – С. 394.
15. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка.: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 819.
16. Потеня А.А. Символ и миф в народной культуре/ Сост. Подг. Текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
17. Потеня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 625 с.
18. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии 20-го века. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер». – 1999. – С. 26.
19. Семиволос Л.В.
20. Склярская Г.Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблема семантики: (на материале русского языка). – М., 1988.
21. Словарь русского языка.: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981-1984. – Т.1-Т.IV.
22. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824с.
23. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц языка. – М., 1986.
24. Филатенко И.А. Современная политическая метафора в русскоязычной газетной коммуникации Украины: когнитивно-прагматическое описание: Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Киев, 2003. – 185 с.
25. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
26. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2000. – 326 с.

Поступила в редакцию 10.03.2005 г.